Навстречу пленуму правления Московской писательской организации по поэзии

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 45 (1033), 5 ноября 1982 г.

В ноябре состоится пленум правления Московской писательской организации, посвященный поэзии. Публикации «Литературной России» навстречу этому пленуму открывала беседа с секретарем правления Московской писательской организации поэтом Владимиром Костровым.

Сегодня разговор о современной поэзии продолжает, основываясь на личном творческом опыте, Новелла Матвеева. -

Новелла МАТВЕЕВА:

«КАК СЛОЖИЛАСЬ ПЕСНЯ...»

— ДОСТОИНСТВОМ современной поэзии мне кажется (помимо усиления благородных поисков и серьезности), во-первых, - заметное охлаждение ее к наигрышу и вульгарности — к манере, которую она не так давно культивировала в себе под видом (и под предлогом) обаятельной поэтической безоглядности.

Второй добрый знак — возрождение (или усиление) в ней благородных поисков и серьезности. А в-третьих, мне в ней нравится то, что, продолжая искать свое, она стала проявлять больше преданности уже найденному, образцам классики. Если не ошибаюсь, ее сегодняшнее уважение к ним — настоящее уважение.

— «Благородный поиск, серьезность, уважение классики...» — все вышесказанное касается и опытных мастеров слова, и молодых поэтов. Впрочем, мы так много спорим, рассуждаем, полемизируем о состоянии современной поэзии, что, честно говоря, иногда задумываешься: действительно ли поэзия идет вперед или она повторяет «азы прошлого»? Когда-то давно вы написали стихотворение, которое начиналось так:

Завидую далеким временам,
Когда сонет мешал болтать поэтам.
А почему бы, думаю, и нам
Язык не укорачивать сонетом?

Это был некий вызов поэтическому словоблудию, намек на многозначительность, призыв к лаконичности. Многое изменилось к лучшему с той поры (вот и вы об этом говорите), но все-таки... но все-таки...

— Ну что же, к нелучшим сторонам сегодняшней лирики я отнесла бы полную неспособность многих поэтов не писать, если не пишется! Особый, странный — и непонятный! — дар писать без настоящего внутреннего побуждения. Не подумайте плохого: я ни в коем случае не хочу и не считаю себя вправе противопоставлять свой метод чужому. Но если бы я попыталась — вот так же! — написать что-нибудь без настоящего к тому побуждения...— мне кажется, я всерьез заболела бы, потеряла сознание и, быть может, уже не встала от сверхчеловеческого, адского (потому что напрасного) перенапряжения всех сил. А ведь у другого это так легко, так естественно получается...

Не первый раз я прихожу сюда, в эту квартиру в проезде Художественного театра, не первый раз, включив магнитофон, внимательно слушаю все, что говорит Новелла Николаевна Матвеева. А говорит она рассудительно-мудро. Повороты ее мысли неожиданны. Язык остр, полемичен...

— Иногда меня упрекают в «книжности», говорят о каких-то «уходах от жизни». Но ведь от жизни можно уйти только в смерть. И потом, что такое «книжная» поэзия? Уилки Коллинз (в своем «Лунном камне» и от лица своего героя) сказал: я человек с живым воображением, и мясник, и булочник, и налоговый инспектор не кажутся мне единственной правдоподобной реальностью. Как это ни удивительно, но иные критики в реальность налогового инспектора **верят**, а в реальность Шекспира, Моцарта, Пушкина, похоже, совсем не верят. Самый разговор о замечательных людях прошлого они уже заведомо считают обидой для себя, а значит — делом мертвым, книжным, призрачным. Такие критики еще как-то соглашаются глядеть на великих людей прошлого, как на недурные (в свое время!), но отработавшие уже свой срок машины, от которых снизошло, дескать, и на нас энное количество информации, и хватит. Но ни в коем случае не согласны они взирать на великих людей как на **живых** людей, тем более как на **вечно** живых людей. Кстати же, моя тема не только одни великие художники, но и всякий вообще человек, если он **человек**.

— Новелла Николаевна, вы так страстно говорите, так полемизируете, что мне видится в этом один умысел, одна цель: защитить право читателя (вашего или читателя поэзии вообще) любить всякую поэзию, «хорошую и разную». В том числе и так называемую «книжную», о которой мы говорили.

— Если бы не существовал читатель, за которого стоит бороться, не нужно было бы тогда и само творчество. Я не думаю, что у меня таких читателей — стоящих борьбы за них — очень уж много, но уверена, что они есть. Из этих соображений, а также из полемичности, которая свойственна моей музе, я обычно и «оспариваю глупца». Неприемлемые сентенции по-своему мне даже необходимы. Они доставляют не муку, а отдых и удовольствие, даже больше того: с их помощью я повышаю свою квалификацию. Кроме шуток — могу твердо сказать: **лучшие мысли я нахожу, защищаясь.**

...На всю жизнь запомнился мне этот номер «Комсомольской правды» за 1 ноября 1959 года, с огромной, почти на полосу, публикацией стихов никому еще не известной Новеллы Матвеевой. Это прозвучало открытием: пришел новый поэт.

Здесь нужно сказать, что у Новеллы Николаевны Матвеевой жизнь сложилась нелегко: в детстве она долго и тяжело болела. Жизненные наблюдения она чаще получала из окна больницы или комнаты, зато много и жадно читала, раздумывала над тем, что узнала из книг. И все то немногое, что привелось ей увидеть, что перечувствовала она, размышляя наедине, удивительно ярко отразилось в ее первой книге «Лирика», которая вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1961 году. А потом появились песни Новеллы Матвеевой, сделавшие знаменитым ее имя.

О творчестве поэта много говорили, писали, спорили. Наиболее точно, по-моему, высказались Григорий Медынский и Евгений Винокуров: «Поэзия Новеллы Матвеевой — богатая и чистая, высокая и глубоко нравственная. Подлинная поэзия». «Стихи Новеллы Матвеевой мудрые и в то же время очень ясные. В них есть глубина, подводное течение, поэтому к ним есть за чем возвращаться».

Исполненная гнева и печали,
Поэзия не базис,
а надстройка:
Она голодным
хлеба не устроит.
Но если от поэзии подале,
Назад, к пещерам
мы припустим бойко,
То, нас и хлебом потчевать
не стоит.

Это из последнего сборника стихов Матвеевой «Река», вышедшего в 1978 году. И опять размышления о литературе, заботы о том, чтобы истинная поэзия была любима читателем. (Кстати сказать, на мой взгляд, книги Н. Матвеевой в последнее время выходят не так часто, как этого хотелось бы.) В активе известного и любимого читателем поэта Новеллы Матвеевой их всего шесть — тощеньких и малотиражных. А между тем ее творчеством интересуются не только в СССР: недавно, к примеру, стихи Н. Матвеевой вышли отдельной книгой в Болгарии. Они переведены на многие языки мира.

— Новелла Николаевна, отвечая на выпады оппонентов, вы заметили, что, защищаясь, находите лучшие мысли. Но я бы сказал иначе: справедливые и точные суждения приходят к человеку, когда он защищает что-то искренне и страстно. Вы сказали добрые слова о современной поэзии вообще, но хотелось бы (памятуя рубрику «Мастера — молодым»), чтобы вы подробнее поговорили о своем отношении к молодой поэзии, к тем, кто становится на профессиональный путь литератора.

— О молодых говорить всегда трудно. Потому что, как ругая, так и хваля кого-то из них, не приходится забывать, что речь-то — о молодежи, которая такой, может быть, и станет, какой изобразят ее старшие, молодые легко подвергаются влияниям. Если старшие на ее счет ошибаются, молодежь иногда невольно подыгрывает этой ошибке. Или идет нарочно наперекор суждению о ней, а это тоже ни для кого судящих о ней не должно являться желанной целью.

Как-то я обругала в печати молодого поэта О. Хлебникова и теперь об этом сожалею. Ведь мои высказывания, кажется, вызвали у самого Хлебникова только обиду, а у критиков—протесты и желание защитить его. Зато суть моей тогдашней речи, боюсь, осталась втуне, тем более что ругаться не обидно я, кажется, не умею.

А все-таки не говорить о молодой лирике тоже нельзя. Тем более, что молодые поэты нередко пишут хорошо. Мне, например, нравятся стихи Геннадия Красникова. Это неровный, но очень искренний и серьезный лирический характер. У него в лучших стихах каждая интонация — интонация поэта. Красников поэт потому уже, что вряд ли возьмется за перо в час, когда ему не пишется. Ведь непоэты пишут всегда, потому что не чувствуют внутренних законов лирики с ее неизбежными приливами и отливами. У них всегда прилив!

Мне очень жаль, что я редко встречаю в печати стихотворения Нины Стожковой. Мне по душе даже самый материал, сами сюжеты ее стихов. Это детство, это внутренние московские дворы с их волшебством и с их кошками... И лестницы всякие, и неуловимые (в неуловимости уловленные) настроения вечереющих улиц, безлюдности рядом с людностью и тому подобное... Это поэзия школьных лет, школьных дружб и обид, поэзия каждой вещи отдельно: какого-нибудь там оконного стекла, старой или новой побелки на стене — поэзия всякой малости. И при этом никакого бытописания: наоборот— свой свет на всем и естественное чувство чудесного.

В общем, я думаю, что некоторые молодые поэты из нынешнего поколения очень ярко проявят себя. Причем независимо от того, что скажу о них я или скажут другие. Задача старших, видимо, не в том, чтобы наставлять их в творчестве (для этого есть классика), а в том, чтобы не сбивать их собственной испорченностью со всякого толку.

— А как было с вами, когда вы начинали, кто и в чем помог вам? (Я знаю о дружеской поддержке Самуила Яковлевича Маршака.) Каковы были чисто литературные влияния в пору начала вашего творческого пути? Впрочем, некоторые из них четко просматриваются по вашим стихам — Александр Грин, например...

— Да, Грина я дерзаю считать своим учителем. Марка Твена, Купера, Стивенсона. Влияли, конечно же, и поэты, то есть поэты **впрямую**. О влиянии Лонгфелло с его «Песнью о Гайавате» я вообще не говорю, потому что мне кажется, что «Гайавату» я знала еще, так сказать, в предыдущей жизни! А это уже не просто влияние. Мне всегда казалось, что не только музыкант Навадага, но и я «нашла» эти песни —

В гнездах певчих птиц,
по рощам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах,
в орлиных гнездах,

А не на страницах книги, отпечатанной типографским способом.

Все самое великое — всегда как бы не в счет. И все, чего как раз никогда до некоторых пор не бывало, и звучит, и выглядит так, словно «было всегда!». Так «всегда был» для меня — хотя и явился великой неожиданностью — Чарльз Диккенс. Но Диккенс и впрямь в какой-то степени был для нашей семьи всегда. Он был и остался звездой, кумиром нашей фамилии во всех проницаемых для меня, то есть обозримых, поколениях. Мать еще в гимназии, шестнадцати лет от роду, читала собственную лекцию о нем, в которой и назвала его «чудотворцем Диккенсом».

Если лонгфелловский «Гайавата» был для меня целым небосводом, то тремя горами, не достигавшими неба, но его достойными, были для меня некое время Аветик Исаакян, Афанасий Фет, Эдмон Ростан. Ростан пережил и перерос все прежние влияния.

...А что до людей, которые практически помогли мне на первых порах, то это были поэты Игорь Грудев и Давид Кугультинов, работники ЦК комсомола, редакции газеты «Комсомольская правда», издательства «Молодая гвардия». Они сделали для меня быстродоступным опубликование моих первых тогдашних стихотворений, открыли путь к первым книгам. Думая о них, я вспоминаю, что от первых публикаций все-таки была радость, несмотря на неумелые поправки! Были и просто огорчения: уж, видно, я так, устроена, что какая-нибудь опечатка, а тем более вторжение редакторских поправок внутрь моих стихов — вторжение неожиданное! — способны отравить всю радость по поводу самой публикации.

Характерный пример. Критики довольно часто цитируют мое четверостишие: «Как сложилась песня у меня? — вы спросили. Что же вам сказать? Я сама стараюсь у огня по частям снежинку разобрать». Должна наконец огласить, что одна из этих (и всего-то четырех!) строчек — не моя, она — редакторская! «Вы спросили?» Никто не спрашивал! В **моем** стихе этого не было. «Что же вам сказать»? — в **моем** стихе и этого не было. Да я просто не способна была бы произнести таков. «Вы спросили. Что же вам сказать...» — это для меня было слишком томно, слишком, как мне кажется, самодовольно и должно было бы сопровождаться пожиманием плеч, прищуром, и мизинец надо было бы уж тогда отвести в сторону... А для оправдания этого жеста— научиться курить, а закуривши, нарочно сделать вид, будто задумалась вся в дыму, и таким образом нарочно заставить собеседника ждать ответа. А для этого надо было бы мне быть другим автором... У меня было сказано совсем другое и по-другому, а именно: «Как сложилась песня у меня? **И сама не знаю, что сказать**»... К слову сказать, я давно мечтаю написать статью о редактировании и назвать ее — «Не так сложилась песня у меня».

Впрочем, я немного (хотя и по делу) отклонилась. Все-таки радость от первых публикаций была большая. Эта радость была связана именно с теми людьми, которых я назвала, с их добротой ко мне. Их помощь была абсолютно бескорыстной. Настолько, что с некоторыми из